

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА В РОССИИ

На основе рефлексии ряда социально-философских концепций представлен анализ процесса трансформации русского менталитета. Выявляются факторы-детерминанты изменения менталитета, вместе с тем проводится теоретическое осмысление степени константности и исторической преемственности менталитета.

Ключевые слова: менталитет; трансформация менталитета; историческое развитие; факторы-детерминанты; виды менталитета; ментальные уровни.

Менталитет как социально-психологический склад народа формируется под влиянием целого комплекса факторов, сочетая в себе статичность со способностью к трансформации.

Менталитет вряд ли можно позиционировать как константный показатель, присущий тому или иному народу. Он выступает лишь в качестве некой характеристики народа, под которой можно понимать его психологический склад, образ мыслей и прочие социально-психологические особенности, т.е. невозможно рассматривать менталитет в отрыве от его субъекта. В этой связи необходимо отметить, что проблема менталитета – это производная от общефилософской проблемы человека и его изменчивости. Цель данной статьи – проанализировать причины трансформации русского менталитета и ее последствий.

Именно XX в. породил глубинные изменения в экономике, политике и, как следствие, в образе жизни и сознании самого человека. Некоторые западные исследователи современности, среди которых особо стоит отметить А. Швейцера, К. Манхейма, Г. Маркузе, Э. Фромма, сходятся во мнении о том, что индустриальное общество обусловило кризис сознания и ряд противоречий, в которых погрязло общество и отдельный индивид [1]. Менталитет подвержен трансформации по причине того, что меняется как индивидуальное, так и массовое сознание в рамках социума. Менталитет русского народа прошел долгий путь эволюции, претерпев существенные изменения, но сохранив при этом неизменным ментальное ядро, лежащее в основе его преемственности. В XX в. менталитет как социально-философский феномен стал предметом исследования в трудах Е.И. Ануфриевой, Л.В. Лесной, Ф.Т. Аутлеевой, Ю.В. Колесниченко, Г.Г. Дилигенского и др. Современной социально-философской мысли присуща вариативность подходов к трактовке причин трансформации менталитета русского народа. Исследованию данной проблематики посвящены работы Д.Г. Шкаева, Д.В. Полежаева, В.М. Розина, П.К. Дашковского, И. Монаховой, В.П. Любчак, Л.Д. Гудкова и др.

Процесс трансформации ментальных конструктов российского общества связывают с различными причинами. Так, В.П. Любчак отмечает изменение менталитета на фоне общей реструктуризации российского общества [2. С. 22–26]. В рассмотрении данной проблемы исследователь использует методологический прием двухуровневой структуризации менталитета, которая позволяет обособить процесс его трансформации. В.П. Любчак позиционирует фундаментальное основание менталитета как часть сознания, наиболее устойчи-

вую к внешним воздействиям. Это связано с формированием менталитета под влиянием природно-климатических, религиозных, географических факторов, т.е. тех, которые в русской социально-философской мысли рассматривались как условия формирования основ русского менталитета (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский). В.П. Любчак отмечает, что специфика российского менталитета определяется его фундаментальным основанием. Вторая группа факторов – социоситуативные (экономический, политический, культурный). Они предполагают ситуативную поведенческую рациональность посредством осознания действительности, результаты которой формируются в виде ценностей и стереотипов. Социоситуативный уровень, по мнению исследователя, накладывается на фундаментальное основание менталитета, именно этот уровень более подвержен изменениям [3. С. 211–212].

Представляется значимой точка зрения российского философа В.М. Розина о том, что разные типы ментальности (автор отождествляет термины «ментальность» и «менталитет») – это схемы, ориентированные на решение разных задач [4. С. 46–47]. То есть в понятие «русский» или «российский менталитет» вкладывается разный смысл, выделяются его различные характеристики в зависимости от того, какова цель использования данного термина. В различных характеристиках русского менталитета, при всей поливариативности взглядов русских религиозных философов, при известной степени их противоречивости, все же существует общая основа, суть которой состоит в признании базовых свойств русского менталитета, таких как доброта, терпимость, общинность, а также душевность, порожденная духовностью.

Современные авторы по-разному осмысливают сущность российского менталитета. Некоторые из них проводят новые терминологические аналогии. Так, например, Г.Л. Тульчинский в «Проективном философском словаре», отождествляя российский менталитет с духовным российским опытом (д.о.р), выделяет его следующие черты: «...нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом; установка на правду и готовность пострадать за нее; самоценность страдания... Ценность реальной жизни отрицается во имя иной жизни (в потустороннем мире, в “светлом” будущем, за рубежом). Обостренное чувство справедливости обосновывается на установке приоритета интересов общности по отношению к индивиду, его свободе и достоинству. Основная тема д.о.р. – противостояние власти и народа...» [5]. На наш взгляд, в определении Г.Л. Тульчинского прослеживается акцент на

характеристиках переходного состояния от советского менталитета к российскому (постсоветскому).

Современные российские исследователи Ю.И. Александров и С.Г. Кирдина связывают формирование и трансформацию менталитета с наличием в обществе определенной институциональной матрицы. Они полагают, что реструктуризация общества затрагивает систему его социальных институтов – институциональную матрицу, изменяя специфику их функционирования и значимость отдельных компонентов институциональной системы общества. Термин «институциональная матрица» был введен в научный оборот канадским ученым К. Поланьи в 1977 г., а позже, в 1990 г., применялся американским исследователем Д. Нортом. Новосибирской экономико-социологической школой была создана теория институциональных матриц. Институциональная матрица (лат. *matrix* – первичная модель) в современной науке трактуется как исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер [6. С. 3–11].

Институциональная матрица в контексте исследования формирования и развития менталитета выступает в качестве основы, детерминирующей совокупность специфических ментальных характеристик социума. Система социальных институтов, являясь основным атрибутом государства, имеет свойство изменять институциональные формы в соответствии с особенностями исторического развития общества. Для отдельных периодов в истории России были характерны разные формы функционирования институциональных систем, т.е. доминировали разные институциональные матрицы.

С конца 1990-х гг. в России разрабатывается теория институциональных матриц, или X-Y-теория, в которой выделяют два их основных типа: X и Y в соответствии с восточным и западным типами культур. Ю.И. Александров и С.Г. Кирдина характеризуют набор базовых институтов для X- и Y-матриц следующим образом. По их мнению, для X-матрицы свойственны институты редистрибутивной экономики (институт условной собственности, институт служебного труда). Основной особенностью редистрибутивной экономики является опосредование центром движения благ и прав на их производство и использование. Для политической сферы характерна вертикаль власти, а также институты коммунитарной идеологии, суть которой заключается в доминировании «Мы» над «Я» и коллективных ценностях. Очевидно, что традиционная модель российской институциональной системы совпадает с X-матрицей.

Y-матрица кардинально отличается по своим базовым характеристикам. Она предполагает наличие институтов рыночной экономики, наемного труда и конкуренции. В политической сфере отмечается федеративный тип административно-территориального устройства, который сочетается с системой выборов. Относительно идеологии немаловажным является доминирование индивидуализма и свободы. Автор данной теории отмечает, что вполне допустимо и имеет исторические примеры сочетание выделенных типов институциональных матриц в одной социальной системе при условии доминирования одной из них. Трансформация

институциональной системы России и тенденция усиления Y-матрицы по трем основным направлениям социальной жизни – политической, экономической и идеологической – сопряжены с прохождением менталитета русского народа нескольких этапов в своем развитии.

X-матрица, которая детерминировала русский характер и базовый уровень русского менталитета в целом. Географические особенности обусловили тип хозяйствования, предполагающий общинный образ жизни, и коллективные ценности. Общинное сознание формировалось неотделимо от православия. Православно-религиозная составляющая была основой национального сознания. Идеологический компонент институциональной матрицы России вплоть до установления советской власти был выражен в религиозной форме. Православие выступало как национальная идея, необходимая для поддержания социального порядка и стабильности. Преобладание коллективного над индивидуальным выразилось в идеях соборности и сильной государственной власти, общего дела, закреплённых в русском сознании. Нельзя не отметить наряду с положительными ментальными качествами, сформированными на начальном этапе существования русского менталитета, те которые представляют собой его слабую сторону. Общинная психология породила слабость личной инициативы, низкую способность к самоорганизации, конформность. Исследователи менталитета среди *общих недостатков, слабых черт* русского народа (шире – российского населения) указываются разобщенность, низкую самодисциплину и неспособность к самоорганизации без подчинения и принуждения, правовой нигилизм, патернализм и подданническую культуру, максимализм и метания из крайности в крайность.

В период формирования русского менталитета в России были ярко выражены черты традиционного общества: преобладание сельскохозяйственного труда, иррациональный тип мышления; ориентация на коллективную самоидентификацию в силу общинного образа жизни. Эти особенности социального развития отразились на территориальном структурировании общества, в котором до 1917 г. свыше 80% населения проживало в деревне. Именно в русской деревне складывались обычаи и традиции в соответствии с набором архетипических образов. Личность персонифицировалась преимущественно на семье и общинном труде.

Переход к плановой экономике, вынесение производственной практики за рамки института семьи, широкое вовлечение женщины в производство и социальную деятельность и многие другие социально-экономические изменения в целом перевернули уклад жизни населения. Индустриализация повлекла за собой рост численности городского населения, концентрировавшегося в центрах промышленного производства. Формируется система урбанистических ценностей, в которой наряду с традиционными, весьма значимыми становятся ценности образования, материального достатка, карьерного роста. Следует отметить, что, несмотря на появление урбанистических ценностей, в советский период их приоритетность не была ярко выражена и они весьма гармонично сочетались с традиционными (семья, брак, дети, труд).

Ряд современных исследователей (Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, А.Г. Левинсон и др.) выделяют среди них

такие, как склонность к раболепию и холуйству и / или принуждению, насилию, а также склонность к лицемерию, цинизму, низкопоклонству перед чужими образцами, к нетерпимости и шовинизму [7]. В условиях тоталитарного режима активными темпами шел процесс ресоциализации, необходимый для освоения новых социально одобряемых образцов поведения. Идея соборности трансформируется, но идея коллективизма остается весьма значимой. Коллективные начала воплощаются в других формах, таких как гражданственность и патриотизм. С.А. Ковалев выделяет новые черты советского народа, называя его «новой исторической общностью»; он отмечает: «Народ терпеливый, раблепный, подозрительный, злобно презирующий рефлексии, значит, интеллектуально трусливый, но с известной физической храбростью, довольно агрессивный и склонный сбиваться в стаи, в которых злоба и физическая храбрость заметно возрастают» [8]. Другие авторы выделяют такие составляющие российской ментальности, как «разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности <> открытость и всеотзывчивость» [9].

Сторонники точки зрения о том, что российский менталитет не приобрел кардинальных отличий от советского менталитета, например Ю.А. Левада и Л.Д. Гудков, маркируют советского и постсоветского человека сходными социальными качествами:

- массовидный, *усредненный* (т.е. ориентирующий на норму «быть как все»);

- «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, ориентирующийся на упрощенные образцы отношений, более того, выдвигающий свою примитивность и бедность как «достойнство», как «превосходство» над другими;

- хронически *недовольный* человек, прежде всего, тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему «дано» [10].

Из ментальных характеристик, предложенных рядом исследователей, следует вывод, что жесткие методы управления со свойственным им репрессивным характером значительно исказили черты русского менталитета, сформированные под воздействием объективных факторов. И тем не менее, принимая во внимание наличие типологии менталитета в соответствии с западной и восточной культурами, т.е. западный и западный (восточный), следует отметить некоторое, хотя и незначительное, смещение советского менталитета в сторону западного. Аргументировать данный вывод можно, прибегнув к критериям, по которым принято анализировать тот или иной менталитет, вследствие чего он может быть идентифицирован или как западный, или как восточный. Р. Нисбетт предлагает рассматривать в качестве основы для дифференциации менталитета (*ментальность*) на восточный и западный специфику когнитивных процессов у носителей разных типов менталитета [11. С. 291–310]. Особенности восприятия мира с точки зрения его «мерности» и един-

ства предполагают дальнейший выбор способов решения проблем. Для восточного типа менталитета характерно выделение континуальности как свойства мира, в западном же менталитете мир представляется дискретным, т.е. состоящим из множества отдельных объектов. Так, для русского менталитета типична была континуальность в восприятии мира. Это специфическое свойство когнитивной модели на практике выражалось в неотделении человека от природы, в признании высшей силы (Бога), регулирующей социальную жизнь. Русский менталитет не обладал аналитическим свойством, которое доминирует в западном менталитете. По критерию «холистичность – аналитичность» русский менталитет попадает в незападную группу. При этом в советский период развивается рациональная составляющая в ментальной характеристике. Эта новая слабо проявляющаяся ментальная черта была обусловлена необходимостью адаптации в реструктурированном социуме, продиктованной жесткими идеологическими рамками и тотальным контролем над личностью. Тип восприятия в значительной степени детерминирован культурой, в связи с этим как отечественные, так и западные авторы отмечают превалирование незападного компонента в российской культуре, мышлении, а следовательно, менталитете. Как отмечают Ч. Форд и Н. Кемлер, аналитический и холистический модусы следует рассматривать как континуум модусов, а не как их дихотомию [12. С. 94–111]. Утрата религиозной доминанты в советском обществе во многом детерминировала сдвиг к аналитическому модусу когнитивной модели советского человека.

Советская эпоха, селектировавшая нового человека, неожиданно сменилась другой, ознаменовавшей обновление экономики, политики и социокультурного пространства. Низложение советской власти, государственного режима сопровождалось коренным переустройством экономического уклада. Внедрение капиталистических отношений обусловило необходимость изменения ценностной шкалы в постсоветском обществе, а кроме того, формирование новой мировоззренческой системы, отвечающей веянию времени. Пропагандный образец организации социальной системы оказался ориентиром в отношении и культурной подсистемы (ценности, мировоззренческие установки), и семейно-брачных практик. По сути, была предпринята попытка внедрения элементов западного типа менталитета в российском обществе.

В России капиталистические отношения, чуждые ей в силу ментальных особенностей русского народа, внедрялись, ломая мировоззренческие устои и традиционные ценности. В итоге в стране формировался капитализм на основе прагматических установок, при этом была утрачена морально-этическая составляющая социальных отношений. Новые производственные и общественные отношения сформировали и новый тип человека. Это так называемый *современный потребитель*, которому свойственны рациональный тип мышления, урбанистическая система ценностей с превалированием материальных ценностей над духовными, гедонистические жизненные принципы, крайний индивидуализм и прагматизм. Коллективные ценности, отражающие сущность исконно русского менталитета и

национального характера, в первичном их проявлении были утрачены.

Коренные изменения в постсоветский период хотя и изменили систему ценностей и мировоззренческие установки, что относится к структурным компонентам, но не затронули его глубинный уровень. В этой связи следует отметить, что менталитет современного российского населения весьма трансформирован, но сохранил исконную основу, которая дает жизненные силы для преодоления ментального дефицита, проявляющегося в периоды кризиса и социальной нестабильности. *Общими достоинствами* российского характера, как правило, считают адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому, стойкость к лишениям и терпение, душевную теплоту, заботу о близких. Для некоторых групп отмечается наличие сильной тяги к справедливости, праведной осмысленной жизни, служению высоким идеалам, Родине; чувство долга; бескорыстное подвижничество; способность к самоотречению.

Огромное влияние на российский менталитет возымели процессы, происходящие с российской деревней. Русская деревня – это колыбель русского менталитета. Именно деревенская цивилизация породила коллективное сознание и общинный образ жизни. Деревня отличалась особым православием, в которое органично были интегрированы более древние земледельческие культы. Уникальные мировоззренческие установки отображались в народном творчестве. В русском фольклоре выражена душа народа: нравы, традиции, этические каноны, эстетика. Русская деревня – это особый быт и образ жизни, генерирующий созерцательный тип мышления, которому свойственны интуитивное принятие решений, древнейшие социокультурные способы познания природного и социального. Исконность сельского менталитета и образа жизни эксплицировалась в практиках гадания, магических ритуалах и пр. Сегодня многие исследователи называют русскую деревню исчезающей, поскольку «с уходом сельских жителей уходит и деревня».

Исследователь истории крестьянства России XX в. Л.Н. Денисова отмечает высокую значимость крестьянской культуры в плане возрождения русского национального самосознания [13]. Русская деревня по сути своей довольно инертна и невосприимчива к каким-либо нововведениям.

Распад колхозно-совхозной системы хозяйствования, воплощавшей коллективное начало и традиционные общинные устои русской жизни, не повлиял на особый психологический климат, сохранившийся в русской деревне. Коллективизм нашел свое проявление на уровне организации семейного быта и специфики поддержания социальных связей. Коллективизм в деревне имеет неформальные формы своего выражения. Например, сохранение родственных и соседских связей, что делает деревенскую жизнь более открытой по сравнению с городской.

Отечественные социологи рисуют портрет «русского человека» по результатам данных социологических исследований, в которых респонденты отметили такие ментальные черты, как душевность, приветливость, щедрость, доверчивость и смелость. Русскому народу

присуща скромность, жизнерадостность, честность и религиозность. В российском менталитете сегодня проявляется антиномичность, о которой писал в свое время Н.А. Бердяев. Русские в равной степени активны и инертны, ленивы и трудолюбивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе. Многие социологи отмечают сходство образа русского человека, данного ему в сказках, преданиях, и образа, закрепившегося в массовом сознании. Такой взгляд на менталитет русского народа созвучен стереотипным представлениям о нем, которые не отражают динамику общества и происходящие изменения менталитета. На наш взгляд, вышеперечисленные ментальные качества имеют место в условиях современных реалий. Вопрос в том, насколько сохранилась их доминирующая роль в российском менталитете и как они трансформируются под влиянием ряда объективных факторов, которые еще и детерминируют новые ментальные свойства современного россиянина.

Несмотря на изменившийся статус российской деревни, трансформацию ее экономического уклада, деревенская культура сохраняет свою самобытность, обусловленную ментальными качествами русского народа. Проблема заключается в том, что русская деревня по причине своего ослабления не может стать гарантом сохранения исконно русских ментальных качеств, черт русского национального характера и предупредить трансформацию менталитета. На сегодняшний день можно только говорить о большем проявлении и устойчивости традиционных ментальных характеристик русского народа в российской деревне.

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно процесса трансформации русского менталитета.

Во-первых, менталитет не является константной характеристикой русского народа, поскольку подвержен трансформации в соответствии с изменениями, происходящими в обществе. Можно сказать, что менталитет является своего рода индикатором социального развития.

Во-вторых, несмотря на свойство менталитета изменяться, для него характерна историческая преемственность ряда ментальных компонентов, представленных на его глубинном структурном уровне. К их числу относятся глубинно-психические установки и архетипы, выражающиеся в национальном характере. В формировании глубинно-психических установок русского народа решающее значение имели религиозный и природно-климатический факторы, под влиянием которых оформился фундамент русского менталитета, не подверженный кардинальным изменениям. Именно на уровне глубинного слоя русского менталитета фиксируется предрасположенность к интуитивному (холистическому) типу мышления, сохраняющаяся на протяжении веков и не зависящая от рационализации мира в целом и российского общества в частности. Интуитивная когнитивная модель во многом детерминирована глубокой православной верой.

В-третьих, трансформация менталитета, обусловленная изменением институциональной системы общества под влиянием политических событий. Изменение форм социальных институтов по трем основным направлениям – политическому, экономическому и идеологиче-

скому – предопределяет трансформацию мировоззренческих установок, ценностей и ценностных ориентаций, в совокупности своей представляющих второй (верхний) структурный уровень менталитета. Начиная с IX в. до наших дней происходила смена традиционного экономического (аграрного) уклада, свойственного России, на плановую экономику, породившую новые паттерны поведения и поведенческие стереотипы. Резкий поворот к либерально-рыночным отношениям в 1990-е гг. внес существенные коррективы в жизнь россиян, которые осложнились затяжным переходным периодом, в том числе переходом к новой системе ценностей. Неожиданные перемены в обществе влекут за собой не только изменения материальных условий жизни, но и, что немаловажно, подвергают трансформации духовную сферу жизни. Это не может не отражаться на менталитете народа.

В-четвертых, следует отметить, что экономическая, политическая и идеологическая составляющие общества тесно взаимосвязаны. Они не существуют автономно, применительно к функционированию социальной системы четко действует принцип диалектического единства. Политические изменения предполагают модификацию экономики и идеологии. При этом общество сохраняет некоторые свои практики, как писал

К. Маркс, прежняя формация не исчезает, а продолжает существовать в снятой форме, сохраняя черты, на которые наслаиваются новые, обеспечивая, таким образом, переход к новой формации. Нечто похожее происходит и с менталитетом. Новый вид менталитета, например советский, полностью не отрицает предшествующий (русский), глубинный слой русского менталитета продолжает существовать уже в качестве структурного уровня советского менталитета, при этом верхний уровень модифицируется как раз таки под влиянием внешних факторов.

Таким образом, менталитету присущи как свойство преемственности, так и трансформации. Анализ ряда исследовательских позиций относительно динамики менталитета в России позволяет сделать вывод о том, что процесс трансформации менталитета отражает степень адаптации общества к меняющимся условиям. В условиях социальной стабильности менталитет подвержен минимальным изменениям. В такие периоды функционирования общества динамика менталитета слабая, напротив, весьма проявляется преемственность ментальных характеристик на межпоколенческом уровне. Трансформация менталитета приходится на кризисные периоды в развитии социальной системы, сопряженные с ее реорганизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. М.: Алгоритм, 2009. Сер. Философский бестселлер. 272 с.
2. *Любчак В.П.* Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5(95). С. 22–26.
3. *Любчак В.П.* Исследование менталитета: двухуровневая структура // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 211–212.
4. *Розин В.М.* Метаморфозы российского менталитета: Философские этюды. М.: Либроком, 2011. 160 с.
5. URL: <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>
6. *Александров Ю.И., Кирдина С.Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. 2012. № 8.
7. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г.* Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2.
8. *Ковалев С.А.* Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века // Ежедневный журнал. 3 марта 2010. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=9918>
9. *Российская ментальность (материалы «круглого стола»)* // Вопросы философии. 1994. № 1.
10. *Гудков Л.Д.* Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения. 2007. № 4.
11. *Nisbett R.E., Ping K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108. P. 291–310.
12. *Foard Ch., Kemler N.D.* Holistic and analytic modes of processing: The multiple determinants of perceptual analysis // J. of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition: General. 1984. Vol. 113. P. 94–111
13. *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: Памятники исторической мысли; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 ноября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/9

Dumnova Elnara M. Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dumnova79@yandex.ru

HISTORICAL CONDITIONALITY OF MENTALITY TRANSFORMATION IN RUSSIA.

Key words: mentality; mentality transformation; historical development; factors-determinants; types of mentality; mental levels.

The article contains a socio-philosophical analysis of the process of the Russian mentality transformation. Mentality change is studied within the framework of the institutional matrix theory (or the XY theory) developed by Yu.I. Alexandrov and S.G. Kirdina. The institutional matrix in the context of this study is understood as the basis which determines the total of the societal specific mental characteristics. The article considers historical reasons of mentality dynamics. On the basis of the criterion of historical conditionality the author's typology of mentality, including the traditional Russian, the Soviet and the contemporary Russian mentality is proposed, and peculiarities of each mentality type are revealed. The author substantiates determination of the foundational level of the traditional Russian mentality by the X-matrix. Peculiar to the X-matrix are institutions of redistributive economy (conditional property, service labour institutions). The key feature of redistributive economy is the centre's mediation of the circulation of goods and rights to their production and use. The political sphere is characterised by the verticality of power and institutions of communitarian ideology, based on the domination of "We" over "I" and collective values. In the formative stage of the traditional Russian mentality the features of the traditional society (the prevalence of agricultural labour, irrational mentality type, orientation towards collective self-identification due to the communal lifestyle) were vividly represented. The author notes that the process of mentality transformation is determined by historical turning points. One of them is the October Revolution of 1917. The change of the social milieu determined the new mentality type – the Soviet

mentality. It is positioned as a transitory stage from the traditional Russian to the contemporary Russian, for the basis of the traditional Russian mentality was preserved, but the new mental qualities were formed and some age-old Russian features faded. The new system of urban values was formed, which included, together with the traditional ones, new and quite important values of education, material wealth and career. It is worth noting that, despite the emergence of urban values in the Soviet period, their prevalence was not vividly expressed and they fit quite harmoniously with the traditional ones (family, marriage, children, labour). In the Soviet times the rational components of mentality were developing. In the 1990s there was an attempt to inculcate the Western-type mentality in the Russian society. The contemporary Russian mentality is well-formed, but it has preserved its age-old basis, which gives vital forces for overcoming mentality deficiency, manifesting itself in crises and social turmoil periods. The comparative analysis of mentality on various stages of its development implemented in the article made it possible to reveal key preconditions of its evolution and its results.

REFERENCES

1. *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"*. Ser. Filosofskiy bestseller. M. : Algoritm, 2009. 272 s.
2. *Lyubchak V.P.* Fundamental'noe osnovanie rossiyskogo mentaliteta: otnoshenie k voyne i miru // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010. Vyp. 5(95). S. 22–26.
3. *Lyubchak V.P.* Issledovanie mentaliteta: dvukhurovnevaya struktura // *Molodoy uchenyy*. 2012. № 6. S. 211–212.
4. *Rozin V.M.* Metamorfozy rossiyskogo mentaliteta: Filosofskie etyudy. M. : Librokom, 2011. 160 s.
5. URL: <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>
6. *Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G.* Tipy mental'nosti i institutsional'nye matritsy: mul'tidistsiplinarnyy podkhod // *Sotsis*. 2012. № 8.
7. *Gudkov L.D., Dubin B.V., Levinson A.G.* Fotorobot rossiyskogo obyvatelya // *Mir Rossii*. 2009. № 2.
8. *Kovalev S.A.* Politicheskiy idealizm i real'naya politika: vyzov XXI veka // *Ezhednevnyy zhurnal*. 3 marta 2010. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=9918>
9. *Rossiyskaya mental'nost' (materialy "kruglogo stola")* // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1.
10. *Gudkov L.D.* Sotsiologiya Yuriya Levady. Opyt sistematizatsii // *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2007. № 4.
11. *Nisbett R.E., Ping K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108. P. 291–310.
12. *Foard Ch., Kemler N.D.* Holistic and analytic modes of processing: The multiple determinants of perceptual analysis // *J. of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition: General*. 1984. Vol. 113. P. 94–111
13. *Denisova L.N.* Sud'ba russkoy krest'yanki v XX veke: brak, sem'ya, byt. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli; Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 480 s.